

Прищепова В.А.

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ВЫСТАВКА КАК МОДЕЛЬ МИРА

Прищепова, Валерия Александровна—к.и.н., старший научный сотрудник, Россия, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, vapr@kunstkamera.ru.

На примере двух выездных выставок Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН в Казахстан и Германию проиллюстрировано, как с помощью такого уникального этнографического источника как музейные коллекции, посредством бытовых предметов и фотодокументов были представлены две модели кочевого быта: степных скотоводов казахов рубежа XIX–XX веков и полукочевников и кочевников ираноязычных белуджей, джемшидов и хазарейцев конца 1920-х гг., вскоре после их переселения в Туркмению из Афганистана. В иллюстративном фонде музея хранятся исторические фотографии 1928–1929 гг. об этих среднеазиатских кочевниках. Снимки коллекций документируют почти все области быта этих народов в рассматриваемые годы. С тех пор мировая политика и экономика во многом изменили их существование. Ретроспективный взгляд на формы жизни, которые с точки зрения современной модернизации кажутся примитивными, взгляд на кочевой быт как нормальный и повседневный способ существования, как это представлено в коллекциях музея, поможет лучше понять противоречия общественного развития в Средней Азии. Музейные экспонаты могут стать полноценным научным источником лишь с привлечением других источников, литературных и архивных, а также в процессе изучения истории коллекций и собирательской деятельности музея.

Ключевые слова: музей, выставка, экспозиция, казахи, белуджи, джемшиды, хазарейцы, культура.

ETHNOGRAPHICAL EXHIBITION AS A MODEL OF THE WORLD

Prischepova, Valeria Alexandrovna—Candidate of Science in History, Senior Research Fellow, Russia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, vapr@kunstkamera.ru.

This article considers two exhibitions of the Museum of Anthropology and Ethnography (The Kunstkamera) in Kazakhstan and Germany. By means of unique ethnographic sources of the museum's collection of household objects and photographs were presented two models of the nomadic life of steppe pastoralists, Kazakhs of XIX–XX centuries and semi-nomads and nomads of Iranian Baluchi, Hazaras and Jamshidi people in the end of the 1920s, shortly after their relocation to Turkmenistan from Afghanistan. In the Illustrations' Department of the Museum of Anthropology and Ethnography are stored historical photographs of these Central Asian nomads dated 1928–1929. The photographs on the collection document nearly all areas of life of these peoples during the years. Since that time, the world politics and economics have greatly changed their existence. A retrospective look at the nomadic life as a normal and everyday way of being, that might look primitive from the contemporary point of view, helps to understand these life forms. The collections of the museum help the public to comprehend

contradictions of social development in Central Asia. Museum exhibits can become a full-fledged scientific source, along with involvement of other literary and archival sources, for the study of the history of collections and collecting activities of the Museum of Anthropology and Ethnography.

Key words: museum, exhibition, exposition, Kazakhs, Baluchi, Jamshidi, Hazara culture.

Музейные собрания, вещевые и иллюстративные коллекции, занимают особое место среди этнографических источников и остаются одним из основных памятников для восстановления прежнего уклада жизни. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (далее—МАЭ) обладает многими редкими или даже раритетными экспонатами по народной культуре, приобретать которые всегда было очень трудно, а сейчас просто невозможно. Коллекции музея—свидетельство напряженной и плодотворной собирательской работы, которая на протяжении многих лет велась российскими учеными. В сборе коллекций, который продолжается более двух столетий, принимали участие видные ученые и путешественники, общественные и государственные деятели, краеведы, просто любители этнографии¹.

Трудно переоценить вклад в организацию планомерного пополнения фондов МАЭ директора музея на рубеже XIX–XX вв. академика Василия Васильевича Радлова. В целях привлечения широкого круга лиц к научному собирательству этнографического материала при музее были организованы систематические занятия с демонстрацией музейного материала. Консультации проводились по методике сборов этнографических коллекций с опорой на инструкцию, специально составленную в 1895 г. В.В. Радловым².

Эта инструкция сыграла большую роль в комплектовании также иллюстративных коллекций музея. Она стала программой, которая была разработана для собирателей коллекций и ориентировала их на поиски предметов по народной культуре. В ней как раз внимание коллекционеров обращалось на желательность восполнения отсутствующего вещевого материала изобразительным.

Благодаря предварительной подготовке будущих собирателей коллекций и изданию инструкции МАЭ приобрел грамотных помощников на местах, которые пополняли его фонды, а после создания в 1898 г. статуса «корреспондента» в музей стали поступать предметы от многих лиц, живших далеко от Санкт-Петербурга. Призыв администрации музея к корреспондентам на местах с просьбой привлекать к коллекционированию представителей местных национальностей имел результат. Корреспондентами на местах были люди разных профессий, представители администрации, учителя, врачи. Поэтому изучение истории формирования фондов МАЭ представляется весьма актуальным.

Наряду с собирательской, хранительской, просветительской экспозиционная работа является одним из основных направлений деятельности музея. Однако специфика работы некоторых научных отделов МАЭ состоит в том, что не все они имеют постоянные экспозиции. Среди прочего это относится и к Отделу Средней Азии и Казахстана. Поэтому особенно большое значение в их работе придается выездным выставкам.

В данной статье мы обратимся к опыту двух таких выставок, показанных в Казахстане и Германии. И на их примере продемонстрируем, как с помощью такого уникального

¹ См.: Прищепова В.А.: 1) Коллекции заговорили. СПб., 2000; 2) Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX—начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб., 2011.

² См.: Радлов В.В. Инструкция для собирания этнографических предметов, относящихся до быта киргизов Степного генерал-губернаторства. СПб., 1895.

этнографического источника как музейные коллекции, посредством бытовых предметов и фотодокументов были представлены две модели кочевого быта: степных скотоводов казахов рубежа XIX–XX вв. и полукочевников и кочевников ираноязычных белуджей, джемшидов и хазарейцев конца 1920-х гг., вскоре после их переселения в Туркмению из Афганистана.

В октябре 1992 г. в Алма-Ате состоялся Первый всемирный Курултай казахов. МАЭ получил приглашение принять участие в Курултае с выставкой по традиционной казахской культуре. Выставка «Традиционная культура казахов в Петербурге» была подготовлена МАЭ совместно с Российским этнографическим музеем (далее — РЭМ) для вывоза в Алма-Ату. Целью выставочного проекта было оживить облик культуры и быта казахов, открыть посетителям мир степных кочевников. В процессе подбора коллекционных предметов, предназначенных для выездной экспозиции, по причине ограниченного времени не удалось уточнить в деталях идею объединенной выставки двух музеев. Поэтому разработку концепции отложили до приезда в Алма-Ату, исходя на месте из выставочных условий.

В Алма-Ате выставку развернули в Музее изобразительных искусств имени А. Кастеева. Разработкой научной концепции экспозиции, ее дизайном и монтажом коллеги из Санкт-Петербурга занимались вместе с сотрудниками Выставочного отдела Музея изобразительных искусств. Коллекции для обозрения разместили на открытом доступе в зале с характерным зеленым покрытием пола. Для знакомства с особенностями культуры кочевников казахской степи этнографические предметы и фотоматериалы разместили на стенах, в центре на подиуме и в нескольких витринах.

Вниманию посетителей выставки были представлены вещевые коллекции по традиционной материальной культуре казахов, предметы одежды, мужской и женской, предметы быта, домашняя утварь, изделия прикладного искусства, оружие, музыкальные инструменты. Многие из экспонатов были уникальными. История сложения коллекционного собрания МАЭ по казахам неразрывным образом связана и с историей России, и с историей Казахстана XIX–XX вв. О происхождении некоторых из выставленных в Алма-Ате предметов рассказали архивные материалы.

Например, в экспозицию вошел женский свадебный головной убор саукеле — головной убор невесты, в виде усеченного конуса, украшенный вставками из камней, сердоликом, коралловыми и жемчужными нитями. Поверхность его тульи покрывает орнамент. Покрывало, которое входило в состав головного убора, спускалось по спине невесты и прикрывало ей плечи. Не существовало двух одинаковых уборов, каждая невеста имела собственный, который переходил по наследству по женской линии. Свадебный убор невесты носил характерные черты разных районов Казахстана.

Во время приобретения саукеле был оценен в 600 рублей. В отчетах МАЭ отмечалось: «Таких вещей, представляющих собой остатки прадедовского состояния, в степи немного, и киргизы не расстанутся с ними ни за какие деньги»³. Саукеле было самым ценным предметом богатого и многочисленного собрания, которое поступило в МАЭ в 1898 г. через старшего советника областного Тургайского управления И. Крафта и врача И.А. Белиловского (который интересовался этнографией, вел наблюдения, собирал материалы, в частности, об употреблении наркотиков, о народной медицине, сотрудничал с Русским Географическим Обществом, выступал на его заседаниях, печатал сообщения)

³ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (Далее — СПФ АРАН). Ф. 142. Оп. I—до 1918 г. Д. 53. Л. 68.

от Ланкжана Дербиссалиевича Биркимбаева и его земляка Хасана Иш-Мухамедовича Имамбаева. Во время посещения Санкт-Петербурга житель Тургайской области Актюбинского уезда Л.Д. Биркимбаев зашел в МАЭ и удивился скудости казахских коллекций. Он пообещал прислать недостающие предметы. Ввиду крайней редкости и ценности коллекции собирателей, МАЭ ходатайствовал о награждении Л.Д. Биркимбаева серебряной медалью на шею «За усердие» на Станиславской ленте, а Х.И. Имамбаеву выразил письменную благодарность. В письме МАЭ отмечалось, что присланные ими вещи были выставлены на экспозиции⁴.

В числе предметов, выставленных в Алма-Ате для обозрения публики, были тисненые сосуды из кожи, чугунная вешалка для одежды, нарядный чепрак под седло невесты, украшения из серебра, предметы быта, войлоки, циновки. Не меньшую редкость представлял и старинный, богато украшенный сердоликовыми вставками, серебром и золотом пояс. По сообщению дарителей, он принадлежал потомку известного казахского героя Аблая.

На выездной выставке демонстрировался также старинный мужской пояс. В 1899 г. он поступил в МАЭ в числе коллекции предметов быта и одежды казахов Алтая, в том числе старинный мужской пояс. В сумку пояса вложена записка собирателя: «Киргизская калта. Ременной пояс с сумкой, ножом и кожаными дробовницами. Доставлена П.И. Небольсиным от султана области Оренбургских киргизов»⁵.

Среди вещей, привезенных из Санкт-Петербурга, был шаманский кобыз — смычковый инструмент с двумя струнами из конских волос, в верхней части украшенный железными кольцами с подвесками, которые были одним из обрядовых атрибутов шамана. Отличие главного ритуального инструмента шаманского камлания казахов, кобыза, от инструмента на котором аккомпанировали себе исполнители казахского героического эпоса, состояло именно в наличии подобных металлических подвесок. Инструмент был получен МАЭ от начальника Лепсинского уезда Семиреченской области Константина Николаевича де-Лазари, которому принадлежит большая заслуга в деле коллекционирования предметов по материальной и духовной культуре казахов: «Корреспондентом Музея я буду с удовольствием и постараюсь аккуратно и внимательно отвечать на все запросы и вопросы Музея, а также исполнять все его поручения <...> я прошу снабдить меня самыми подробными указаниями, какие именно сведения из киргизской жизни нужны Музею, на что я должен обратить внимание и что подробно описать?»⁶.

В Алма-Ате были выставлены также предметы, история собирания которых свидетельствует о давних связях казахского и русского народов. Особо стоит отметить экспонаты, подаренные казахами Николаю II, тогда еще цесаревичу, во время его путешествия по Казахстану и Средней Азии в 1890–1891 гг. Среди них особенно выделяется искусной работой один из боевых топориков. Он украшен насечкой, растительным орнаментом с чернью. Вместо обушка топорика сделано кольцо, к которому прикреплено полукруглое украшение. На него навинчена стопа лошади с высеченной подковой. В нижний конец круглой деревянной ручки топорика вставлен кинжал.

Несмотря на то, что в музеях столицы Казахстана было собрано огромное количество прекрасных образцов национальной культуры и прикладного искусства, выставку из Санкт-Петербурга активно посещали. Возможно также и потому, что впервые экспонировался,

⁴ Там же.

⁵ См.: МАЭ РАН. Колл. 438.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 142. Оп. I—до 1918 г. Д. 50. Л. 80–81.

говоря музейным языком, так называемый, плоскостной материал — исторические фотографии конца второй половины XIX в. и полевые зарисовки художника, который в 1920-е гг. изучал ремесла и орнамент казахов.

Среди коллекций МАЭ впервые вниманию посетителей были представлены некоторые иллюстративные коллекции: рисунки и фотографии. В процессе подбора коллекций на выставку в Алма-Ате первоначально планировалось вывозить только вещевые собрания, как это сделали наши коллеги из РЭМ. По нашему же мнению, фотоснимки, выполненные в конце XIX — начале XX вв., которые хранились в МАЭ, не опубликованные в своем большинстве, неизвестные научной общественности, могли дополнить вещевые коллекции, привезенные на выставку, а также иметь самостоятельную научную ценность. Поэтому в МАЭ было принято решение выборочно включить небольшое количество исторических фотографий в состав выставочных экспонатов.

При работе с фотоматериалами часто возникают определенные сложности. Музейная документация иллюстративных коллекций МАЭ стала упорядочиваться лишь в первое десятилетие XX в., поэтому многие сведения об истории формирования этого фонда, особенно его первых этапах, были утрачены. До сих пор в практике музейного дела и в публикациях использовались преимущественно вещевые коллекции. Это было обусловлено тем, что абсолютное предпочтение, как в экспонировании, так и в хранении отдавалось вещам. Иллюстративные материалы считались второстепенными и поэтому почти не были введены в научный оборот. Отведение иллюстративным материалам как музейным коллекциям второстепенной роли сказалось и на практике их хранения. Недостаточное внимание хранению иллюстративного фонда повлекло за собой уменьшение сведений о нем.

Данные, необходимые для атрибуции, имеются не всегда. Встречается несоответствие между данными, имеющимися в музейной документации, и реальным составом той или иной коллекции. Кроме того, первые музейные описи часто носят фрагментарный характер, представляют собой простые списки изображений, что снижает их источниковедческую ценность. Не все иллюстративные описи в одинаковой мере содержат сведения первоначального музейного учета о коллекциях. В большинстве случаев отсутствуют данные об этнической принадлежности изображений, количестве единиц хранения, где, когда и кем была собрана данная коллекция.

В Алма-Ате в витринах с фотодокументами можно было увидеть, как носили старинные казахские костюмы, украшения. Фотографии с бытовыми сценами, портреты, сделанные во время поездок по Казахстану сотрудниками МАЭ Самуилом Мартыновичем Дудиным и Клавдием Васильевичем Щенниковым, а также альбом рисунков художника Александра Лаврентьевича Мелкова конца 1920-х гг. вызывали у посетителей не меньший интерес, чем вещевые экспонаты, местные художники копировали предметы быта и фрагменты характерных орнаментов. Было удивительно наблюдать, с каким интересом посетители выставки изучали лица на фотопортретах, возвращались в музей вновь с домашними фотоальбомами, пытаясь отыскать сходство и найти среди изображенных родственников.

Например, однажды выставку посетили две семьи — Чермановых и Омарбековых. Они несколько раз приходили в музей, приносили с собой фотографии своих предков, познакомились с устроителями выставки. И наконец, сообщили, что на снимках С.М. Дудина и К.В. Щенникова они узнали своих родственников, прабабушек и прадедушек. Чермановы, которые в советские годы были вынуждены несколько изменить свою фамилию, рассказали историю знаменитого рода Чормановых, идущего от деда Чокана Валиханова, выдающегося казахского ученого, по линии матери, Чормана. Среди фотографий,

которые экспонировались в Алма-Ате, как выяснилось позже, с ошибочной аннотацией, были снимки Султана Аблаева, племянника Чокана Валиханова. История семьи Омарбековых тоже была интересной и удивительной.

Молчавшие до сих пор фотографии, под которыми были лишь краткие названия, заговорили спустя век! Поколения сотрудников МАЭ на протяжении прошедших десятилетий бережно хранили вещевые и иллюстративные предметы, связанные с культурой, бытом и историей казахского народа. Музейные фотографии до этого времени нигде не выставлялись и не публиковались. А ведь это часть истории не только Казахстана, но и коллекционного фонда МАЭ.

Вещевые и иллюстративные коллекции музея по традиционной культуре и быту народов Средней Азии и Казахстана остаются одним из основных источников для восстановления прежнего уклада жизни. Значение этих материалов усиливается в том случае, если они паспортизированы (хотя случается, не всегда самим собирателем), более или менее точно указаны места происхождения предметов, а также приведены сведения, связанные с их бытованием, динамикой развития и т.д.

Выставка «Традиционная культура казахов в Петербурге» вызвала у алма-атинцев большой интерес. За месяц ее работы выставку посетило огромное количество посетителей, в том числе, высокопоставленных. Экспонаты выставки снимали для телевидения, интервью о ней транслировали по радио, публиковались статьи в прессе, в местных научных изданиях, спустя годы повторяли передачи. Все это говорило о возросшем интересе посетителей выставки к своему прошлому, к истории и культуре своего народа.

Демонтажем и упаковкой выставки для возвращения в Санкт-Петербург занимались с помощью сотрудников Музея изобразительных искусств. Возникли даже трудности с возвращением выставки назад. По мнению многих официальных лиц, все казахское должно было остаться там, откуда вещи ранее вывезли. На довольно высоком уровне местные чиновники безуспешно пытались решить эту проблему. Справиться с этой задачей помогло лишь вмешательство представителей казахского землячества Санкт-Петербурга.

Вторая выставка, о которой пойдет речь, была организована в 1994 г. в Германии. В 1980-е гг. возникла идея об организации совместно с немецкими коллегами выставки по кочевым иранцам Туркмении белуджам, джемшидам, хазарейцам. Эта выставка явилась результатом многолетнего русско-немецкого сотрудничества. Благодаря неутомимой деятельности обеих сторон стало возможно подготовить самую большую зарубежную выставку из собраний МАЭ за все время его существования. Выставка была посвящена участникам-собираателям Среднеазиатской этнологической экспедиции 1928–1929 гг., которые привезли замечательные коллекции для МАЭ.

В 1994 г. в Государственном музее народоведения Дрездена открылась выставка «Кочевой быт. У стен древнего Мерва. Белуджи, джемшиды, хазарейцы». Всего было подготовлено к выставке и перевозке около 1 500 экспонатов. Вместе с вещевыми коллекциями в Дрезден были отправлены также и фотоматериалы, негативы которых были выполнены в 1920-х гг. на стекле. Опасения по поводу их сохранности, о том, что отпечатки с них могут не получиться, не оправдались. Исторические фотографии прекрасно дополнили выставку. Увеличенные, они оказались отличными не только по содержанию, но и по техническому исполнению. В фотолаборатории дрезденского музея для МАЭ изготовили также пластиковые копии со стеклянных негативов. Впервые посетители выставки смогли в полной мере оценить собирательскую работу исследователей 1920-х гг.

До этой выставки коллекционные вещи и фотографии хранились в разных помещениях фондов МАЭ, и по ним невозможно было составить полную картину кочевого быта трех народов, сравнить их образ жизни, увидеть отличия традиционной культуры.

В подготовительный период до отправки коллекций в Германию сотрудники МАЭ удивлялись тому, что устроители выставки, немецкие коллеги отбирали подряд все вещи, какие-то кривые палки, закопченные войлоки, комки грязных тряпок, несколько десятков примитивных однотипных среднеазиатских кукол.

Выставка «Кочевой быт» демонстрировалась в трех больших залах. Каждому из народов было отведено отдельное помещение. Центральное место каждого зала занимал комплекс предметов жилища. В каждом разделе выставки, прежде всего, привлекало внимание посетителей жилище данного этноса. С набором предметов быта внутри и около, с мягкой подсветкой, они выглядели только что покинутыми своими обитателями. Для более достоверного оформления гедана белуджей, чаппари джемшидов и юрты хазарейцев из окрестностей Дрездена специально доставили песок и камни. Рабочая группа дрезденского музея собирала эти жилища с такой ловкостью и знанием, что, казалось, они занимались этим всю жизнь. Вот тогда выяснилось, как аккуратно собиратели коллекций 1928–1929 гг. подбирали все предметы до мелочей, пытаясь сохранить для музея все подробности кочевого быта. Из кривых палок была собрана тренога для очага, а комки грязных палок подкладывали между войлочными накидками шалаша-гедана и палками, которые подпирали крышу, чтобы не прорвать ее. А то, что все было не очень чистым и даже подкопченным, свидетельствовало о подлинности предметов, об их бытовании, достоверности.

Коллекция МАЭ уникальна, лишь в отдельных музеях мира можно встретить разрозненные предметы, относящиеся к культуре белуджей, джемшидов или хазарейцев. Такая большая выставка была смонтирована за короткое время, за несколько недель.

Выставка вещей казалось бы невыразительного кочевого быта 1920-х гг. выглядела ярко и содержательно. Все коллекции были смонтированы в выставку впервые. Привлекательно выглядели витрины со сценками из жизни представленных народов, в которых участвовало множество среднеазиатских кукол. По пескам пустыни, освещенной палящим солнцем, двигались группы ярко одетых людей, мужчин, женщин, детей, в которых невозможно было сразу узнать переkreщенные деревянные палочки с намотанными кусочками материй — кукол простейшей конструкции.

Демонстрацию предметных коллекций дополняли фотографии 1928–1929 гг., пейзажи, портреты, которые заполняли выставочное пространство. Одним из условий выездной выставки была реставрация экспонатов немецкими коллегами. После монтажа вещи в сочетании с фотографиями неожиданно стали выглядеть иначе. Вместе они создавали атмосферу жизни этих народов. Вещи и фотографии сопровождали тексты с белуджскими сказками, связанными с жизнью кочевников. Кроме того, в залах приглушенно звучали белуджские мелодии.

В настоящее время полевые фотографии участников Среднеазиатской этнологической экспедиции являются уникальным этнографическим источником, отражающим культуру и быт малоизученных ираноязычных кочевых и полукочевых народов белуджей, джемшидов, хазарейцев непосредственно после их переселения из Афганистана в Туркмению. В фотоматериалах экспедиции зафиксированы и сохранены для науки народный быт, одежда, ремесленные навыки, которые теперь исчезли либо трудно выявляемы.

Среди огромного количества фотографий, выполненных во время работы экспедиции, обращает на себя внимание такой фотографический прием, как выполнение серии

кадров, которые передают какой-то процесс, движение — женщина, несущая воду, стирка белья; уход за волосами; выпечка лепешек, верблюды на пастбище, женщины за изготовлением тандура (перелопачивание глины, женщины с ведром воды, выливают воду, обмазка тандура), этапы установки летнего жилища чаппари (обведение остова стены чаппари камышом, прикрепление остова крыши, привязывание паласа к жердям крыши шерстяными завязками), разборка юрты хазарейцев (поочередное снятие кошем с верха юрты, уборка плетенки из камыша, остов юрты, части юрты, разложенные на земле, утварь, оставшаяся после разборки юрты) и т.п. Такого рода кадры свидетельствовали о потребностях научной фотографии, выполнявшейся в условиях полевых этнографических поездок, фиксировать не только предметы материальной культуры, обычаи, но и запечатлеть как в фильмах процесс изготовления, провести пошаговую съемку.

В музеях Дрездена, а затем и Берлина был воссоздан уголок кочевой культуры, в котором размещались три типа жилища с домашней утварью и окружающими предметами, что передавало колорит традиционной жизни белуджей, джемшидов, хазарейцев.

Огромный интерес к выставке, в рамках которой работали лекторий и детский кружок, в котором можно было под руководством преподавателей изготовить какие-то поделки, похожие на выставленные на экспозиции, определял также профессиональный уровень участников выставки — собирателей коллекций и ее организаторов.

Выставки 1992 и 1994 гг. предметов повседневности и фотографий воссоздавали две картины окружающего мира степных кочевников казахов и ираноязычных кочевников Туркмении белуджей, джемшидов и хазарейцев. Их образ жизни воспроизводился через быденные вещи, которые окружали кочевников на протяжении всей жизни. Каждый экспонат выставок — это история, которая отправляла посетителей в путешествие по казахской степи и Туркмении. Вниманию посетителей были представлены предметы одежды, домашняя утварь, предметы быта и фотоматериал, рассказывавшие об удивительной жизни кочевников, носителей уникальных традиций и обрядов.

Коллекции Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) на двух выставках проиллюстрировали две модели мироустройства кочевых и полукочевых культурных традиций, кочевой мир, который сегодня поглощает цивилизация.

Список литературы

Прищепова В.А. Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии второй половины XIX — начала XX века в собраниях Кунсткамеры. СПб.: Наука, 2011. 449 с.

Прищепова В.А. Коллекции заговорили. История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940). СПб.: Музей антропологии и этнографии, 2000. 272 с.

References

Prishhepova V.A. *Illjustrativnye kollekcii po narodam Central'noj Azii vtoroj poloviny XIX—nachala XX veka v sobranijah Kunstkamery* [The illustrative collections devoted to the nations of Central Asia and Kazakhstan of second half of XIX—early XX centuries in the Kunstkamera]. Saint-Petersburg: Nauka, 2011. 449 p. (in Rus.).

Prishhepova V.A. *Kollekcii zagovorili. Istorija formirovanija kollekcij MAJe po Srednej Azii i Kazahstanu (1870–1940)* [The collections speaking. The history of formation of collections devoted to Middle Asia and Kazakhstan in Museum of anthropology and ethnography (1870–1940)]. Saint-Petersburg: Muzej antropologii i jetnografii, 2000. 272 p. (in Rus.).